

Dorovský, Ivan

Чехия и Балканы

In: Dorovský, Ivan. *České země a Balkán : kapitoly z dějin česko-makedonských a makedonsko-českých styků*. Vyd. 1. V Brně: Universita J.E. Purkyně, c1973, pp. 207-210

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121138>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЧЕХИЯ И БАЛКАНЫ

Чешско-македонские культурные связи начинаются уже в период Великой Моравии. После длительного перерыва, сам процесс формирования нации дал интересу чехов к южным славянам в 19 веке совершенно другие основы, хотя и продолжал традиции более раннего периода. Кирилло-мефодиевская традиция, однако, тянется красной нитью всем развитием чешской нации, хотя в разные периоды носила разный характер. Труды лингвистов, археологов, этнографов и историков литературы поддерживали идею этнического родства. Для деятельности основателя славистики Йозефа Добровского характерны настойчивые и долголетние усилия познать древнейший славянский язык, церковнославянские памятники и жизнь Кирилла и Мефодия.

В период романтизма в Чехии усиливается интерес к славянским языкам, истории, литературе и народно-поэтическому творчеству. В. Ганка, Ф. Л. Челаковский, К. Я. Эрбен и др. обращали внимание к народно-поэтическому творчеству других славянских народов. Внимание славянского и неславянского культурного мира привлекали сборники народных песен, изданные в Сербии Вуком Караджичем. Вскоре познакомилась с ними и другие народы, среди них также чехи.

Деятели второго поколения чешского национального возрождения, особенно П. Й. Шафарик, продолжают собирать материал для своих произведений об истории, исторической географии, языке и литературе южных славян, в том числе болгар и македонских славян, которых тогда, как правило, относили к болгарам. Шафарик резюмировал также научные познания о македонских славянах и мимоходом показал основные черты образованвшегося впоследствии македонского литературного языка. Между прочим Шафарик интересовался также славянами в европейской Турции и особенно в Македонии, которые до начала 19 в. (и позже) оставались для Европы неизвестной славянской народностью. Некоторые его выводы славяноведение уточнило, однако, бесспорным остается факт, что многие из его взглядов остаются в силе до сих пор. Таким образом Шафарика можно считать также первым историком македонской литературы древнейшего периода и первым лингвистом, который дал характеристику и объяснил основные элементы македонского языка. Совершенно понятно, что отсутствие сравнительного материала и существующие условия не позволяли Шафарика писать о македонском как о самостоятельном языке. Его выводы о славянах в Македонии и особенно в Греции имеют весьма актуальное значение и в настоящее время, когда еще идут споры о национальной принадлежности македонских славян.

Во время своего долголетнего пребывания в городе Новый Сад Шафарик интенсивно собирал материал по истории, языку и литературе южных славян. Здесь, кроме других, был целый ряд информаторов из Македонии, которая его сильно привлекала не только как родина старославянского языка. Информаторы Шафарика из Македонии, находящиеся тогда в Новом Саде, были прежде всего представителями формирующейся македонской торговой буржуазии, играющей прогрессивную роль.

В настоящей книге мы попытались указать какой отклик нашли труды Шафарика в Македонии, среди формирующейся македонской интеллигенции, о чем имеется в научной литературе до сих пор мало сведений. Информации в чешской и европейской печати о славянах в европейской Турции усиливали интерес чешской научной, литературной и широкой общественности к южным славянам.

Мы сделали попытку по новому понять и проанализировать первые переводы литературных подделок В. Ганки на македонские диалекты. В истории взаимных культурных связей обеих наций — чешской и македонской — они образуют интересную главу. Переводчики, которые тогда не знали, что речь идет о подделках под древнечешскую поэзию, считали т. наз. „Краледворскую и Зеленогорскую рукописи“ с художественной и политической точки зрения выдающимися произведениями. Прежде всего они понимали их основную политическую идею единства и своими переводами хотели призвать свой поработанный народ к объединению в борьбе против турецкого рабства. Переводы должны были воздействовать на новую общественно, политически и культурно другую среду и стать составной частью борьбы за религиозную и политическую самостоятельность. Переводы одновременно вызвали среди народа интерес к древним литературным памятникам и показывали древнюю славу славян. Мы тоже показали, как под влиянием „рукописей“ формировались эстетические взгляды переводчиков. Впрочем, подобным образом принимали и понимали „рукописи“ также многие другие современники и следующие

поколения, т. е. как памятник древнейшего славянского наречия в Чехии или как древнечешские песни. Если они должны были сыграть в Чехии роль одного из средств борьбы против пангерманизма, то в новой культурной и общественной среде македонских и болгарских славян они были предназначены стать составной частью борьбы против панэллинизма и турецкого господства.

На основе фонетического, морфологического, лексикального и стихотворного анализа переводов т. наз. Кралевдорской и Зеленогорской рукописей мы пришли к немного другим выводам, чем некоторые современные славянские историки литературы. В переводах Д. Петковича и Р. Жинзифова ясно сказываются (о чем говорят также некоторые статьи советских авторов) различия между македонским и болгарским языком 40—60 гг. 19 столетия.

С времен Шафарика, Челаковского, Эрбена и других, которые понимали значение народно-поэтического творчества по-гердеровски, интерес к южнославянскому народно-поэтическому творчеству постоянно растет. Македонские народные песни из знаменитого сборника „Български народни песни“ братьев Димитра и Константина Миладиновых начали переводиться на чешский язык сразу же после издания сборника в 1861 году. Они сосредоточили внимание ряда переводчиков, фольклористов, лингвистов и историков литературы. Особое значение имеет факт, что первая критическая оценка сборника была написана именно в Чехии и что произведение Миладиновых оказало положительное влияние на чешскую литературу и фольклористику.

Мы стремились показать проникновение произведения братьев Миладиновых в более широких связях и на основе новых материалов дать картину до сих пор неразработанного периода проникновения и восприятия македонского народно-поэтического творчества в Чехии, особенно начиная с 30-х гг. прошлого столетия до первых десятилетий нашего века. Необходимо было разобрать связи Стэфана Верковича с чешскими деятелями науки и отклик на его труд „Веда Словена“ в Чехии. Подделки Верковича-Гологанова появились во время, когда в Чехии шел спор о подлинности или подложности т. наз. рукописей; их связывает со сборником „Веда Словена“ кроме другого и то, что оба произведения являются результатом романтического энтузиазма.

Оказалось необходимым дать более подробный анализ переводческой деятельности до сих пор полностью забытого Эмануила Файта. Его многосторонний интерес к Македонии дал обстоятельные результаты и в области народного творчества. Файт продолжал традиции распространения народных песен братьев Миладиновых в чешской среде и первый обратил внимание на македонские народно-поэтические прозаические тексты. Проникновение македонского народно-поэтического творчества в Чехию помогало познанию т. наз. малых наций, борющихся в течение веков за свое национальное существование. Интерес к южным славянам и к их литературному и народно-поэтическому творчеству во второй половине 19 века был связан также с событиями на Балканах, с беспокойствами в Македонии и со все более обостряющимися спорами соседних стран из-за Македонии.

Результатом усилившегося интереса к балканским славянам, включая и македонских славян, была также многосторонняя популяризаторская деятельность Э. Файта, взгляды которого на историю, школьное дело, экономику и национальную принадлежность македонских славян мы анализировали в самостоятельной главе. Его изложение истории ряда македонских городов, его демографическо-этнографические и географические данные объективно помогли познанию Македонии. Благодаря Файту чешское общество узнало о тревожной истории македонских славян, о беспоконной и бурной современности, народно-поэтическом творчестве и до тех пор неисследованном языке. Обширный очерк Файта „Македония — страна и народ“ содержит полную картину Македонии, какой до тех пор не было в чешской литературе. Некоторые материалы Файта о школьном деле, национальном составе населения и о политической обстановке, собранные во время его пребывания в Македонии, не потеряли цены и в настоящее время и могут быть источником также для македонских историков.

Эмануил Файт хорошо понимал значение Македонии, особенно Салоник, для Австрии; именно потому он обращал внимание на неиспользованные возможности проникновения на македонский рынок. С такой целью написал свой народнохозяйственный обзор Македонии. Экономические и политические тенденции Австро-Венгрии проникнуть на Балканы Файт поддерживал, как мы указали в настоящей книге, так, что обращал внимание чешской промышленности и аграрной буржуазии на возможность экспорта готовых изделий в эти области. По его мнению более близкие

связи Чехии с Македонией могли быть полезными и давали больше возможностей, чем напр. связи с Сербией или Болгарией.

Заслуга Файта и в том, что он был первым чехом и одним из первых европейцев, который обстоятельно познакомился с Македонией и дал до тех пор самую объективную и полную картину страны.

На основе большей частью самостоятельно сделанных выписок из ежедневной и периодической печати мы попробовали указать на отклики развития т. наз. восточного вопроса у нас, составной частью которого был тоже балканский и македонский вопрос, начиная с второй половины прошлого века до балканских войн.

Период с второй половины 19 века до начала нашего столетия являлся интенсивным периодом решения „восточного вопроса“. Интерес европейских держав сосредоточился на споре Сербии, Болгарии и Греции в вопросе о Македонии. Положение в Македонии и на Балканах вообще такого решения требовало, особенно после освобождения Болгарии. Здесь бесспорна роль Австро-Венгрии и России в решении македонского вопроса, главным образом в конце прошлого и в начале нашего века.

Все главные события на Балканах и особенно в Македонии нашли свой отклик в чешской среде. Вопрос о Македонии был для Австро-Венгрии изо дня в день все более и более актуальным, о чем свидетельствуют реакции в Чехии. Целый ряд авторов (Б. Попелка, И. Карасек, Й. Й. Тоужимский, Л. Нидерле и др.) высказали по данному вопросу свое мнение, которое было большей частью односторонним и тенденциозным. Мы подчеркнули этот факт особенно у Нидерле, так как его взгляды на политическое и этнографическое решение „македонского вопроса“ долгое время принимались в чешской специальной литературе как единственно правильные. Мы указали на неполноту и односторонность взглядов Нидерле.

Национально-освободительная борьба македонского народа, усилившаяся в период перехода капитализма на стадию империализма, прервала спокойствие, наступившее в Европе после падения Парижской коммуны. Она оживила общественно-политические и демократические движения.

Национально-освободительная борьба македонского народа, начавшаяся в конце прошлого столетия и достигшая своей высшей степени Илинденским восстанием, нашла свой широкий отклик в Чехии и в других странах Европы. В связи с тем появился как в Македонии, так и в чешской и европейской печати, ряд предложений к окончательному разрешению „македонского вопроса“ — начиная проектами автономии, балканской конфедерации и кончая проектом федерации балканских республик. Хотя о македонской проблематике писалось много, особенно в первом десятилетии нашего века, большинство предложений и взглядов было односторонним или же результатом политических интересов той или другой страны, того или другого общественного слоя или политической партии. В своем большинстве они однако признавали необходимость разрешения ряда вопросов, связанных с Македонией и европейской Турцией и одобряли действия македонского населения, ведущие к освобождению от турок.

В настоящей работе мы указали на симпатии чешского народа к славянскому македонскому народу. В согласии со взглядами чешской прогрессивной славянской идеологии чешский народ требовал гарантии национального существования Македонии. Чехи как ведущая сила новославянского движения (но и остальные славянские народы Австро-венгерской монархии — словаки, украинцы и др.) единомысленно выразили свою морально-политическую поддержку национально-освободительной борьбе македонского народа.

Карел Крамарж как представитель чешского буржуазного славянофильства проповедовал славянскую взаимность на основе национальной самостоятельности отдельных славянских народов. Вместе с Вацлавом Клофачем он принадлежал к активным поборникам славянского сотрудничества во внутренней и внешней политике. Т. наз. младочешская партия Крамаржа объединяла главным образом промышленную и финансовую буржуазию, которая стремилась вывозить капитал в балканские страны.

Оказалось необходимым дать более подробный анализ отношений Вацлава Клофача к Балканам и особенно к Македонии. Это его отношение вызвало спор тогда и в настоящем. Клофач имел возможность лично познакомиться с македонским национально-освободительным движением. На основе этого он потом сделал попытку впервые сформулировать свое отношение к внешней политике Австро-венгерской монархии. Его концепция балканской экономической политики нашла поддержку как в Чехии, так и в Словакии. Клофач собрал много доказательств о македонской

проблематике и выступил против политики Австрии по отношению к славянским народам в габсбургской монархии и на Балканах. При том он хорошо понимал, что Германия поддерживает политику Турции. Социально-демократическая печать тогда неправильно обвинила Клофача в туркофильстве. Печать некоторых других партий писала даже, что Клофач поехал на Балканы благодаря поддержке австрийского министра торговли. Только дальнейшее более подробное исследование архивного материала могло бы принести некоторые новые факты о его деятельности на Балканах. Если Клофач подчеркивал необходимость внешне-политических и экономических связей Чехии и Австро-Венгрии вообще с Балканами и со Стамбулом, нельзя из этого делать заключения о его „туркофильстве“. Пока ясно, что за „балканской акцией“ Клофача внимательно следили органы министерства внутренних дел. Донесения полиции говорят также об антимилитаристской позиции Клофача.

Некоторые утверждения Клофача о самостоятельности македонского движения полностью соответствуют взглядам современной исторической науки. Движение в Македонии Клофач правильно понимал как борьбу за политическое, национальное и социальное освобождение. В национальном и социальном смысле он понимал лозунг „Македония македонцам“.

Свое значение имела также ориентация Внутренней македонской революционной организации на поиски помощи в Австро-венгерской монархии. Ее руководство послало несколько представителей в южнославянские области, которые должны были вести переговоры о помощи. До сих пор недостаточно разработан вопрос о роли чешского добровольца Яна Климеша, который по некоторым данным должен был вести переговоры с представителями разных слоев чешского, словацкого и других народов Австро-венгерской монархии. Известно, что Ян Климеш пробыл в Чехии три месяца и после этого опять вернулся в Македонию. Известно также, что он был в контактах с В. Клофачем. До сих пор, однако, нельзя положительно сказать, взял ли он собой в Македонию полномочия или даже финансовые средства. Нет пока доказательств и о том, что Клофач (как иногда утверждается некоторыми авторами) написал русскому царю письмо, в котором просил выступить в защиту македонских славян. Остается бесспорным факт, что оценка движения в Македонии как национально-освободительной борьбы прежде всего македонских славян, которую дал Клофач, вела к дальнейшему более объективному пониманию македонской проблематики.

Выражением симпатий чешского народа к славянскому и неславянскому населению в Македонии является также участие нескольких чешских добровольцев в рядах македонских повстанческих чет. Чешские добровольцы принадлежали к первым добровольцам из славянских стран и были примером „подлинно понимаемой славянской взаимности и сотрудничества“. Только после них вступило в ряды македонских чет несколько польских и русских добровольцев.

В период первого десятилетия до балканских войн продолжали уточняться взгляды на национальность македонских славян, умножались информации об экономическом положении, разграничивались позиции чешского и европейского социалистического движения к балканской и македонской проблематике. В 1910 году появилось в чешской печати мнение, утверждающее самостоятельность македонской нации и выдвигавшее требование сформировать македонский литературный язык. Это уже была высшая степень развития взглядов чешского общества на Македонию и ее жителей.

Чешское славянофильство нашло свое выражение не только в период восстания в Босне и Герцеговине и русско-турецкой войны, а также во время Илинденского восстания и в последствии во время балканских войн. Чешский народ опять выразил свои симпатии к балканским славянам и тем самым внес замечательный вклад в борьбу за освобождение Балкан от турок. Более подробно мы указываем на то, как отразилась борьба балканских народов в чешской среде и особенно в чешской художественной литературе.

Я знаю, что предлагаемый труд является только первой попыткой систематической разработки истории чешско-македонских и македонско-чешских культурных и политических связей и что не дает ответ на все вопросы, требующие более подробного исследования и более глубокой разработки материала.